

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПРЕТВОРЕНИЕ БЫТА В БЫТИЕ
В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ В.В. РОЗАНОВА**

В статье рассмотрен подход к повседневности и способ ее концептуализации в философском наследии В.В. Розанова. Проводится сравнение подхода в осмыслении повседневности у В.В. Розанова и Б. Ванденфельса. Автор обращает внимание на особенности методологии стиля философствования В.В. Розанова, которые оказали влияние на формирование особого типа рациональности.

Ключевые слова: повседневность, субъект, обыденная жизнь, экзистенциальный опыт, «Я».

У статті розглянуто підхід до повсякденності та спосіб її концептуалізації у філософській спадщині В.В. Розанова. Проведено порівняння його підходу з підходом Б. Ванденфельса. Автор звертає увагу на особливості методології та стилю філософування В.В. Розанова, які вплинули на формування особливого типу раціональності.

Ключові слова: повсякденність, суб'єкт, буденне життя, екзистенційний досвід, «Я».

The article considers the approach and the way of conceptualization of everyday life in Vasiliy Rozanov's philosophical heritage. Two approaches made by Vasiliy Rozanov and Bernhard Waldenfels are compared. The author pays attention to the particular qualities of the methodology and the philosophical style of Vasiliy Rozanov that influenced a special type of rationality.

Keywords: everyday life, Subject, ordinary life, existential experience, "I".

Интерес современной философии к проблеме повседневности во многом обусловлен кризисом традиционного субъект-объектного подхода и новоевропейским пониманием субъективности. Европейская философия XIX в. отходит от «гносеологического субъекта», жесткие субъект-объектные оппозиции утрачивают свою значимость, и на передний план выходят темы, которые прежде философия обходила своим вниманием.

Если европейская философия Просвещения тяготела к четкому разграничению субъекта и объекта, которое начало преодолеваться в XIX в., то в русской философии ярко выражены идеи соборности и всеединства (В. Соловьев, П. Флоренский, С. Франк). Используя не столько рациональные методы философского рассуждения, сколько обращаясь к интуитивному, внутреннему, иррациональному началу в человеке, русская философия стремилась разрешить проблему эгоцентризма и разобщенности между людьми. Религиозная традиция русской философии в лице В. Соловьева, С. Франка, П. Флоренского акцентировала в большей степени жизнь духа и утверждала, что она «не растворена в вещном бытии». В. Розанов, напротив, осуществляет реконструкцию повседневного пространства обитания человека.

Об актуальности наследия В. Розанова свидетельствуют диссертационные исследования и публикации последних лет. Среди них стоит отметить исследование Т.С. Городиловой «Онтология повседневности и неклассическая гносеология

В. Розанова», где автор утверждает, что повседневность у В. Розанова становится источником решения основной гносеологической проблемы – познания бытия; статью И.П. Поляковой «Дом как пространство повседневности. Роль Дома в философии В.В. Розанова», где автор рассматривает роль и место таких категорий, как «дом» и «семья», в философии В. Розанова. В 2014 г. вышло в свет собрание сочинений В. Розанова в тридцати томах, подготовленное издательствами Москвы и Санкт-Петербурга.

Целью данной статьи является установление способа концептуализации понятия «повседневность» в философии В. Розанова.

В связи с поставленной целью выделим следующие задачи:

– *реконструировать методологию В. Розанова;*

– *рассмотреть, как прочитывают В. Розанова такие авторы, как В.Л. Махлин, В.В. Библихин;*

– *рассмотреть подход и понимание мира повседневности В. Розановым.*

Само по себе отношение В. Розанова к жизни феноменологично, и именно оно становится основой языка описания непосредственных переживаний и ощущений. Роднит В. Розанова с феноменологией и подход к проблеме понимания. Вещи для него есть идеи, но разум черпает материал только через обращение к материальному предметному миру. В своей работе «О понимании» он пишет: «Разум есть потенция, в которой предусмотрены основные формы понимания, материал для которого дается внешним миром и обладающая скрытой жизненностью, состоящего в стремлении и способности образовывать это понимание <...> Разум есть как бы мир, выраженный в символах, мир есть как бы разум, выраженный в вещах; и только поэтому возможно познание мира разумом, возможно понимание, возникающее о мире в разуме, возможен мир идей, отличный от этих соотносительных начал, не из них возникающий, но через их соприкосновение» [8, с. 121].

Методология В. Розанова не носит системного, целостного характера, нельзя также охарактеризовать ее как скептицизм, поскольку открытых критических замечаний или нападок философ не делает (исключение составляет ортодоксальная религиозность, в отношении которой философ занимает открытую критическую позицию). В основе его методологии, скорее, лежит личное переживание. Сам он по этому поводу писал: «И я всегда писал один, в сущности – для себя. Даже когда плутовски писал, то точно кидал в пропасть, "и там поднимется хохот", где-то далеко под землей, а вокруг все-таки никого нет». Таким образом, субъектом и объектом философских размышлений В. Розанова является, в первую очередь, он сам: «Каждый человек только для себя "я". Для всех он – "он". Вот великое solo» – рассуждения о субъективности и о «Я» [6, с. 360]. Потому он и уделяет столь пристальное внимание внутренним состояниям, прежде всего, своим собственным. Отсюда следует замечание В. Розанова о том, что единственным источником познания является только личный опыт и говорить достоверно мы можем лишь о том, что пережили сами: «Всякий человек живет немногими знаниями, которые суть плод его жизни, именно его; опыта, страдания, нюха и зрения» [6, с. 175]. Такой подход роднит В. Розанова с экзистенциалистами – С. Кьеркегором, Ж.-П. Сартром. Личный опыт, о

котором говорит В. Розанов, сравним с экзистенциальным опытом – не фиксируемым, многоплановым, не поддающимся описаниям. Для его характеристик мы всегда вынуждены додумывать что-либо. «Исходный пункт» экзистенциального опыта – переживание, которое конструирует отношение между человеком и окружающим миром. Экзистенциальный опыт никогда не бывает статичным, застывшим, мы говорим о нем всегда как о живом подвижном опыте, следовательно, знание, полученное в экзистенциальном опыте, никогда нельзя применять в других ситуациях. Ситуации, в которых задействованы экзистенциальные аспекты личности, всегда уникальны и неповторимы. Из чего состоит экзистенциальный опыт? Первичные составляющие – переживания, которые возникают на основе жизни, традиций, структур повседневности, окружения (детство, семья, социокультурная среда). Наблюдаемые, проживаемые (переживаемые) ситуации, с которыми человек имеет дело в конкретной повседневности, вписываются в определенную картину мира, и в этой связи экзистенциальный опыт отсылает к целому набору культурных универсалий, бытийствованию, живому опыту. В этом смысле произведение В. Розанова «Опавшие листья» предстает как совокупность переживаний, фиксируемых автором в тот момент, когда он погружен в самонаблюдение: «Шумит ветер в полночь и несет листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, почувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что "сошли" прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья, – без всего постороннего... Просто, – "душа живет"... т. е. "жила", "дохнула"... С давнего времени мне эти "нечаянные восклицания" почему-то нравились. Собственно, они текут в нас непрерывно, но их не успеваешь (нет бумаги под рукой) заносить, – и они умирают. Потом ни за что не припомнишь. Однако кое-что я успевал заносить на бумагу. Записанное все накапливалось. И вот я решил эти опавшие листья собрать» [6, с. 520]. Однако словесная фиксация переживания таит в себе значительную сложность.

Отсюда следует необходимость изменения подхода к рассмотрению человека, который не находится в статике, и необходимость выработки концептуального аппарата для описания этих изменчивых состояний. В то же время сам В. Розанов утверждает: «То, что всякое переживание переливается в играющее, живое слово, но этим все и кончается – само переживание умерло, нет его» [6, с. 148].

Интерес к частному, единичному, внимание к переживаниям и чувствам человека – все то, что выпало из поля зрения «классической рациональности», обретает в идейных и философских исканиях В. Розанова иное звучание. В этой связи можно сказать, что подобные идеи В. Розанова созвучны и философии жизни, в частности идеям Ф. Ницше. Не случайно В. Розанова называли «русским Ницше». Но если Ницше философствует в ситуации, когда «Бог умер», то В. Розанов, несмотря на критику церкви и религиозной философии, остается религиозным до самых глубин. Потому, возможно, и для стиля В. Розанова неприемлема систематичность изложения, соответствующая форме рационального познания мира, направленного, прежде всего, на постижение всеобщего. Такой стиль философствования меняет сам подход к рассмотрению феномена повседневности, не выделяя ее отдельной

структурой или модусом человеческого бытия, но делая неотъемлемой частью человеческого существования, от которой невозможно дистанцироваться. *Индивидуальная жизнь человека не сводится к общезначимым законам и принципам.*

Таковыми авторами, как В.Л. Махлин, В.В. Бибихин, В. Розанов как раз и был прочитан в русле критики субъекта. В.Л. Махлин обращает внимание на т. н. «непрямое говорение» – на нарушение речевой тактичности и «политеса» В. Розановым, прежде всего, в публицистике. Изменения стилистики в творчестве В. Розанова В.Л. Махлин объясняет необходимостью выхода за пределы «классической рациональности» и расширением самого понятия «рациональность». Несмотря на литературность В. Розанова, он одним из первых предвосхитил значимую тему для философии XX в. – критику метафизики – и реабилитировал «эмпирическую действительность»: «Реальность мира жизни сложнее и больше того большего, на постижение которого претендует всякая метафизика – религиозная или естественнонаучная [3, с. 409]. Сложные метафизические конструкции оказываются излишними, поскольку упускают из виду «мелочи» повседневной жизни. В свою очередь, «мелочи» становятся значимыми, поскольку во многом формируют и оказывают влияние на жизнь реального человека. «"Мелочи" суть мои "боги". Я вечно с ними играюсь в день. А когда их нет: пустыня. И я ее боюсь» [6, с. 472]. Здесь речь идет о тех мелочах повседневной жизни, которые конструируют жизнь человека в целом, чередой повседневных действий (таких как общение с близкими, поход в театр, приготовление пищи, обсуждение новостей из утренней газеты, написание письма другу), которые становятся теми действиями, которые одновременно формируют нашу субъектность и создают пространство для укрытия этой субъектности от публичности, т. е. формируют интимное пространство личности. О.Э. Мандельштам в отношении стиля философствования В. Розанова и его отношения к литературе употребляет слово «домашность». Домашность филологии В. Розанова противопоставляется литературе как явлению общественному. Сам В. Розанов отмечал: «Может быть, я ничего не понимаю, но когда я встречаю человека с «общественным интересом», то не то чтобы скучаю, не то чтобы вражду с ним, но просто умираю около него» [8, с. 485]. Из приведенного фрагмента видно, насколько чуждо В. Розанову внешнее, общественное, наносное; его заботит то, что составляет частную жизнь человека, т. н. «кухонные вопросы»; и на извечный русский вопрос «Что делать?» В. Розанов дал ответ, с одной стороны, поражающий простотой, с другой – по-своему воплощающий мудрость обыденной жизни: «Что делать? – спросил нетерпеливый петербургский юноша. – Как что делать: если это лето, чистить ягоды и варить варенье, если зима – пить с этим вареньем чай» [8, с. 510]. Сам В. Розанов удивительным образом умел переходить с обыденных, т. н. «кухонных» размышлений на уровень философских обобщений.

В работе «Время читать Розанова», которая является предисловием к ранней книге В. Розанова «О понимании» В.В. Бибихин рассматривает философа в духе цельности «жизненного мира» М. Хайдеггера. В.В. Бибихин выделяет феноменологическую способность Розанова схватывать простые вещи обыденной жизни; Розанов будто «захвачен» бытием, полностью вовлечен в его цельность. И

именно позиция вовлеченного участвующего, а не стороннего наблюдателя нарушает привычное для философии Нового времени разделение мира на познающий субъект и объект познания. В восприятии действительности В. Розанову действительно присуща цельность: небытие он не отделяет от бытия, понимание – от непонимания.

Для В. Розанова важнее процессуальность, а не разрешение четких вопросов и задач. И хотя В. Розанов не сформировал целостной философской системы, он во многом предвосхитил вопросы, которые будут развивать феноменологическая философия и экзистенциализм; помимо реабилитации повседневности и обыденной жизни, В. Розанову близки интуитивные методы познания бытия – «озарение», «удивление». Процесс познания мира строится скорее как духовный опыт, основанный не столько на рациональных началах, сколько на чувственном восприятии. Но если представители феноменологической философии (в частности, Б. Вальденфельс) стремились подвергнуть феномен повседневности тщательной рефлексии, то В. Розанов исходит из субъективного, личного, иррационального.

Тематизируя повседневность, Б. Вальденфельс исходит из особого рода рациональности обыденной жизни. Рациональность он понимает как упорядоченные, «рассудочно-прозрачные взаимосвязи». Философ идет через ряд противопоставлений, прежде всего, «повседневное – не-повседневное»: человек находится на пороге между повседневным и не повседневным, сакральным и профанным, потому нельзя анализировать повседневную жизнь, исходя только из нее самой. Повседневному, как тому, что замкнуто и находится в самом себе, он противопоставляет «истинную жизнь». В процессе «оповседневнивания», по мнению Б. Вальденфельса, можно выделить два аспекта – восходящий и нисходящий. Нисходящий аспект подразумевает под собой то, что человек в повседневной жизни в результате многократного повторения в полной мере овладевает определенными жизненными навыками, такими как ориентирование на местности, разучивание гамм или освоение навыков чтения. Но человек стремится выйти за свои пределы и, следовательно, преодолеть повседневность. Это достигается через творчество и инновации, с которыми и связан восходящий аспект. Эти, казалось бы, противоположные, но вместе с тем дополняющие друг друга аспекты «переплавляются» повседневностью.

Несмотря на конфликт в России между религиозностью и наукой, вызревший в 1860-е гг., и преобладание позитивистов в кругах академической философии (разделявших познавательный процесс на причину и следствие), В. Розанов тяготеет к цельному знанию, к объединению науки, философии и религии. Но это знание должно быть не схематичным и отвлеченным от жизни (которое может объяснить человека в его статичных состояниях), но откликаться непосредственно на происходящее с человеком в его повседневной жизни. Отсюда следует естественная для В. Розанова критика таких философов православия, как Булгаков и Новоселов, поскольку они, занимаясь лишь теоретическими вопросами, не обратили внимания на такие аспекты, как уклад повседневной жизни, брак, семья.

С философской точки зрения сочинение В. Розанова «Опавшие листья» носит неструктурированный характер. По форме произведение походит на обширное литературное эссе, где собраны разрозненные мысли, заметки, фрагменты, письма,

черновые наброски. Возможно, такой стиль обусловлен спецификой культурной ситуации в России. Как отмечает В.А. Подорога, Россия была страной в большей степени литературной, чем философской, но на рубеже XIX–XX вв. в литературе появляется фигура Другого – в лице В. Розанова, П. Флоренского, А. Платонова. «Другой» в данном случае выступает как воплощение того, что раньше воспринималось как чуждое, безумное, случайное» [5].

Читая «Опавшие листья», мы видим весь обширный круг вопросов и проблем (зачастую не только и не столько философских), которые интересовали автора: вопросы государственного строя, революций, критика отвлеченной религиозности, вопросы, касающиеся девственности и проституции, семьи и брака, образования. Из представленного перечня тем ясно, что В. Розанова интересуют социальная и повседневная жизнь человека. Понятия «повседневного», «повседневность» становятся одними из ключевых у В. Розанова. Столь пристальное внимание к феноменам обыденной жизни связано с вопросом понимания в творчестве В. Розанова. В своей ранней работе «О понимании» В. Розанов отмечает: «Разум есть потенция, в которой предусмотрены формы понимания, и материал для которого дается внешним миром» [7, с. 94]. Таким образом, процесс понимания возникает только при столкновении с миром феноменов, но самым познающим началом выступает некая допредикативная форма.

Произведение В. Розанова органично соединяет в себе как рефлексии автора и его личную переписку, так и газетные фрагменты. Порой мысли резко обрываются, некоторые отрывки абсолютно не связаны между собой. В. Шкловский, говоря о разрозненности фрагментов произведения «Опавшие листья», отмечает близость стиля В. Розанова к газетной публицистике: «Может быть, также сама резкость переходов Розанова <...> появилась сперва как результат газетной техники и только после была оценена и закреплена как стилистический прием» [11].

Мысль философа всегда опосредована личным опытом и чужда какой бы то ни было отвлеченности и абстрактности: «Все мы выражаем в сочинениях субъективную уверенность» [6, с. 188]. Не занимаясь прицельно философией субъекта, субъектом в философии В. Розанова становится он сам.

Читая произведение «Опавшие листья», мы видим, что процесс из создания органично вплетен в повседневную жизнь автора: здесь нет четкого разделения на работу (написание научного труда) и отдых. Он записывает свои мысли, засыпая, находясь в вагоне поезда и созерцая дорогу и т. д. С.А. Смирнов отмечает, что некоторые свои произведения, в частности «Уединенные», В. Розанов писал на клочках бумаги.

«Единственный вид литературы, который я признавать стал, – это письма. Даже в “дневнике” автор принимает позу. Письмо же пишется столь спешно и в такой усталости, что не до поз в нем. Это единственный искренний вид писаний», – такую мысль высказал священник и философ П. Флоренский в письме к В. Розанову. В. Розанову она оказалась настолько близка, что он использовал ее в качестве эпиграфа к книге «Литературные изгнанники». В «Опавших листьях» значительную часть произведения занимает переписка В. Розанова с его другом Кудрявцевым.

Письмо – наиболее личный из всех литературных жанров – требует от пишущего максимального экзистенциального вовлечения. Человек в написании предстает «как он есть», зачастую написанное не опосредовано рефлексией, что позволяет свидетельствовать о себе через переживание, которое и является первичным фактом личного письма. В. Розанов обращается с просьбой в письме к своему другу Кудрявцеву: *«Пиши ко мне все, решительно все, – все, что думаешь, что делаешь, как живешь, учишься»*. Таким образом, интерес представляет все, что происходит с человеком в его повседневной жизни, – действия, мысли, воспоминания. Воспоминания встречаются у В. Розанова достаточно часто – в «Опавших листьях» (воспоминания об обучении в гимназии, о сестре о матери), письмах, автобиографиях – и становятся своего рода жизненной практикой, в которой заключены истоки духовного формирования личности. Поскольку часто мы вспоминаем не только и не столько о себе, сколько о людях, которые составляют наше окружение, и о вещах окружающего пространства, подобные воспоминания становятся своего рода «кирпичиками» формирования «Я». В. Розанов, в частности, вспоминает: «Сестра Верочка (умирала в чахотке 19-ти лет) всегда вынимала мякиш из булки и отдавала мне, <...> эти массы мякиша я съедал моментально, и это было наслаждение» [6, с. 282]. Как видно, воспоминания отталкиваются от объектов и связаны с эмоциями, вызываемыми этими объектами в обыденной повседневной жизни. Память у В. Розанова, таким образом, рассматривается как нечто большее, чем простое соотнесение факта с моментом в прошлом. Этот момент непременно должен обладать оттенками теплоты и интимности по отношению к личности вспоминающего. Через память мы как бы собираем чувственные впечатления, которые способствуют конструированию субъективности.

Категория души занимает одно из центральных мест в философском наследии В. Розанова, однако зачастую она рассматривается не столько как религиозная категория, сколько метафизическая. И поскольку В. Розанов все-таки певец субъективных состояний человека, категории «души» как внутренней человеческой сущности противопоставлен технический прогресс, связанный с обретением внешних благ и удобств: «Прогресс технически необходим, для души он вовсе не необходим. Нужно "усовершенствованное ружье", рантовые сапоги, печи, чтобы не дымили. Но душа в нем не растет. И душа скорее даже малится в нем» [6, с. 328]. Погоня за технической цивилизацией все равно ведет в тупик. Позднее Ф. Г. Юнгер заметит, что технический человек не задумывается над целями, к которым должны привести его усилия; такой человек постоянно находится в действии, но «деловитая объективность не только мешает человеку задуматься о себе, она вообще преграждает ему путь к тому духовному знанию, которое невозможно подвести под механические законы» [12, с. 54].

Критикуя современную ему литературу за чрезмерную увлеченность социально-политическими вопросами, В. Розанов отмечает, что современные ему типографии печатают «всякую ерунду, которую и вовсе лучше было бы не печатать»; по его мнению, к концу XX в. типографии будут и вовсе не нужны, люди освободятся от давления печати и снова начнут снова учиться петь, танцевать, «устраивать рауты,

полюбят музыку, полюбят обедню, будут опять любить свято и чистосердечно». Отчасти слова В. Розанова оказываются пророческими: конечно, типографии никуда не исчезли, более того, неуклонный рост информационных технологий и информационный переизбыток требуют от современного человека высокой коммуникативной компетентности, которой он не всегда обладает. В данной ситуации наблюдается всплеск интереса к таким практикам, как фотография, дизайн, рукоделие, творчество hand-made. Несмотря на то, что каждая из указанных практик обладает своей спецификой и отличается от практик, о которых говорит В. Розанов, тем не менее, в одном и другом случаях они являются формой эскапизма или ответной реакцией на информационное давление. В философии последней четверти XX ст. наблюдается рост интереса к анализу и концептуализации таких практик повседневности, как фотография (П. Бурдьё, Л. Болтански), чтение (М. де Серто), повседневные разговоры (Н. Рис), hand-made практики (М.А. Карецкая, Л.В. Савенкова «Манифест хендмейд: один сюжет о повседневности в сети и за ее пределами»). Во многом такой всплеск интереса объясняется тем, что современное гуманитарное знание все больше тяготеет не к абстрактным исследованиям культуры, а стремится к интерпретации конкретных событий повседневной жизни.

Во временном отношении повседневность обычно связывается с моментом настоящего времени, однако В. Розанов использует категорию «цели», связанной всегда с моментом будущности. В обстоятельной статье «Цель человеческой жизни» В. Розанов отмечает: «Во всем, что разрушила, и во всем, что создала новая история, она есть только развитие одного семени: идеи, что иных целей, кроме собственного устройства на земле, не имеет...» – здесь акцентируется именно приватная жизнь человека, которой В. Розанов придавал большое значение. Важно отметить, что В. Розанов рассматривает потенциальность в качестве основного свойства человеческой природы. Категория цели становится особенно актуальной в связи с тем, что жизнь человека все больше рассматривается как личный проект, а не как предначертанные судьба или фатум [10, с. 628].

В. Розанов приходит к мысли о том, что повседневная культура обладает особой ценностью. Именно действия повседневной жизни становятся у В. Розанова неким полем для созидания смыслов, в которые человек непосредственно вовлечен. Но повседневность в размышлениях В. Розанова не рассматривается как рутинная, затягивающая человека. Когда мы читаем «Опавшие листья», создается впечатление, что человек органично вписан в мир обыденных действий и вещей. Позднее М. Хайдеггер отметит: «Все допредикативное, немудрствующее смотрение подручного, как таковое, уже есть вместе понимающее и истолковывающее».

Вопросы, которые затрагивает В. Розанов – о смысле жизни, о смерти, о Боге, – сугубо философские. Но постановка подобных вопросов неотделима для философа от самой жизни; за его свободными, не скованными рамками академической философии рассуждениями сохраняется «пульсация жизни». Подводя итоги, можно сказать, что, не ставя прицельно во главу своих рассуждений вопрос о человеке, В. Розанов, тем не менее, все свои рассуждения строит вокруг человека. На первый план выходит не субъект, а именно человек – чувствующий, воспринимающий, вспоминающий. В

подходе философа нет жесткого субъект-объектного разделения, сознание, «Я» не противопоставлено внешнему миру, в такой цельности субъектом, прежде всего, становится собственное «Я», а сама повседневность с ее заботами и мелкими ритуалами, в которых это «Я» себя проявляет, приобретает онтологическое значение. Именно через повседневность можно осуществить переход от уровня быта к уровню бытия, которое не поддается четкой фиксации. Философ будто специально освобождает ход мыслей от излишней рациональности, чтобы не нарушать естественное течение событий внешнего мира.

Литература:

1. Бибахин В. В. К переводу «Метафизики» Аристотеля / Аристотель. Метафизика ; пер. с греч. П. Д. Первова, В. В. Розанова. – Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – С. 7–18.
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Бернхард Вальденфельс // Социо-Логос. – Москва : Прогресс, 1991. – С. 39–51.
3. Махлин В. Л. «Читайте Розанова», или на месте происшествия / В. Л. Махлин // В. Л. Махлин Второе сознание : Подступы к гуманитарной эпистемологии. – Москва : Знак, 2009. – С. 397–439.
4. Мандельштам О. Э. О природе слова [Электронный ресурс] / О.Э. Мандельштам. – Режим доступа: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_264.htm
5. Подорога В. А. Философия и литература [Электронный ресурс] / В. А. Подорога. – Режим доступа: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=1324>
6. Розанов В. В. Опавшие листья / В. В. Розанов. – Москва : Современник, 1992. – 542 с.
7. Розанов В. В. О понимании / В. В. Розанов. – Москва : Танаис, 1996. – 804 с.
8. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени / В. В. Розанов // Розанов В. В. Уединенное. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 640 с.
9. Розанов В. В. Цель человеческой жизни [Электронный ресурс] / В. В. Розанов. – Режим доступа : http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_cel_chelovecheskoy_jizni.html
10. Смирнов С. А. Форсайт человека. Опыт по неклассической философии / С. А. Смирнов. – Новосибирск : ЗАО ИПП «Офсет», 2015. – 660 с.
11. Шкловский В. Литература вне «сюжета» [Электронный ресурс] / В. Шкловский. – Режим доступа: http://www.opojaz.ru/shklovsky/vne_sujeta.html
12. Юнгер Ф. Г. Совершенство техники / Ф. Г. Юнгер. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 54.

Надійшла до редакції 28.03.2016. Розглянута на редколегії 17.05.2016

Рецензенти:

Кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії природничих факультетів філософського факультету Одеського національного університету імені І.І. Мечникова Петріковська О.С.

Кандидат філософських наук, доцент кафедри культурології та мистецтвознавства гуманітарного факультету Одеського національного політехнічного університету Найдорф М.І.